

Порядок чтения книг Вселенной Упорядоченного. Буква «о» в скобках означает отступление от основного сюжета: события идут либо параллельно с основным сюжетом, либо до основного сюжета.

- Гибель богов
- Воин великой тьмы (о)
- Земля без радости (о)
- Тысяча лет Хрофта (о)
- Алмазный меч, деревянный меч
- Рождение мага
- Эльфийская стража (о)
- Дочь некроманта (о)
- Странствия мага
- Вернуть посох (о)
- Одиночество мага
- Война мага
- Война ангелов (о)
- Память пламени
- Удерживая небо
- Пепел Асгарда
- Асгард возрожденный
- Хедин, враг мой
- Прошедшая вечность
- Орёл и дракон
- Восстание безумных богов. Северная Ведьма (о)
- Душа бога. Том 1
- Душа бога. Том 2
(именно эта книга и завершает основную историю Упорядоченного)
- Когда мир изменился

ОТ АВТОРА

Да, все так оно и было. Я это видел; видел суровых всадников с мечами, неумолчный прибой сурового северного моря и воинов, для которых жизнь есть война, а война, в свою очередь, — жизнь. Я видел это, мой дорогой читатель, так же ясно и отчетливо, как ты видишь это сейчас на странице (или на экране) перед собой. Хьёрвард родился сам по себе, он пришел и показал себя мне — оставалось только записать все, что там случилось. История его длится, деяния людей, Богов и Магов заслуживают подробного описания. Древние, составляя саги, знали, что у Таланта, кроме Краткости, есть и другие сестры: Достоверность, например. И потому Гомер писал свой «список кораблей», а Вергилий подробнее излагал путь Энея от развалин Трои старой к Трое новой — Риму. Немало лет прошло, как я начал этот труд, но что такое этот промежуток — капля в безбрежных волнах Великой реки, где резвятся вечные Драконы Времени!

В путь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

— Тревожные вести с Гнипахеллира, мой тан. Лошади брели по самой кромке прибоя. Волны лениво лизали край отлогой каменистой осыпи; за ней круто уходили в поднебесье серые тела скал. Камень иссекли трещины, где уже успели укорениться карликовые сосны. Острые каменные клыки, излюбленное оружие Океана, тут и там торчали над водой, то покрываемые волнами, то вновь обнажавшиеся. Пахло гнилыми водорослями, в воздухе парили чайки.

Шестеро всадников в плотных серых плащах из грубой шерсти ехали парами вдоль берега. Четверо — с длинными мечами на левом боку, у пятого клинок был закреплен за спиной и рукоять торчала над правым плечом; шестой довольствовался здоровенной сучковатой дубиной. Головы путников покрывали одинаковые валяные шапки, подобные тем, что носят кузнецы, чтобы не подпалить волосы. По лицам никто бы не смог определить их звания и занятия; все, как один, были загорелыми мужами в расцвете сил; привычкой к оружию они напоминали королевских гвардейцев Видрира, покроем одежды и обращением между собой — свободных общинников с окраин Железного леса, конскими седлами и сбруей — табунщиков Рогхейма.

— Тревожные вести с Гнипахеллира, мой тан, — вполголоса произнес один из всадников, обращаясь к спутнику с притороченным за плечами мечом. Воин с клинком на спине только что присоединился к остальным; он коротко кивнул, давая заговорившему знак продолжать.

— Карлы Рёдульсфёлля вновь жгут леса Ялини. Дым застлал северное небо, и птицы, обезумев, разбиваются о скалы во тьме. Гарь достигла жилища Гарма. Он пробудился.

Недобрые слова отзвучали. Тот, кого говоривший назвал таном, выслушал известие молча, только голова его едва заметно склонилась.

— Что слышно еще? — отрывисто бросил он.

— Нестроение в Химинвагаре, — сказал другой всадник. — Владелец Хьёрлейв пошел войной на Видрира.

— На Видрира? — Предводитель поднял бровь. — Вот уж не ждал такого от Хьёрлейва! Он, оказывается, отчаянный смельчак!

— Был слух, — понижая голос, продолжал человек, — неверный и смутный, его разносили Ночные Всадницы... Слух, что к Хьёрлейву прибыл тайный посол с острова Брандей!

— Остров Черных Магов — страх всей земли, — пробормотал тан. — Что они там унюхали, пожиратели падали, хотел бы я знать? Но продолжай! Была ли уже битва?

— Когда мы выезжали из Эрвасунда, Видрир лишь начинал собирать полки. Хьёрлейв перешел реку Хатор на северной границе Хранимого Королевства.

— Ясно, — уронил тан и замолчал, нахмуясь. Его спутники терпеливо ждали, пока он размышлял.

— Лодин! Канут! Исунг! Вон за той скалой вы повернете по тропе к бору Валле и дальше, трактом, — к мысу Ставнес. Туда гномы должны доставить оружие. Примите по счету — им уже заплачено вперед. «Драконы» подойдут к мысу через три дня считая от этого. Грузите оружие и уходите на Хединсей. Фроди и Гудмунд! Вы проводите меня до Живых скал. Оттуда повернете к Рёдульсфёллю. Ищите Хранителей Покрывала Ялини! Предупредите их о проснувшемся Гарме. Когда исполните это — идите на запад к заливу Унавагар. Там селение. Не жалея золота, купите ладью и выходите в море. Вам нужно достичь Хединсея, пока буря не разразилась. Ждите меня на острове до следующей луны. Если я не вернусь — забирайте Ильвинг... и — ищите себе и дружине новой земли. Слушайте моего Учителя... Помните, все вы поклялись Восемью Железными Гвоздями Врат Нифльхеля, что будете служить моему сыну!

— Мы помним, о тан, — глухо сказал один из всадников по имени Фроди, державший поперек седла могучую палицу. — Мы сдержим клятву или пойдем в Хель, презираемые всеми. Но, мой тан, мы никогда не задаем вопросов, однако сейчас дерзну спросить: зачем ты ищешь верной смерти у Живых скал? Оттуда не возвращаются.

— Выполняй приказ, Фроди, и вы все тоже! — жестко ответил тан, обрывая разговор. Он тронул поводья; заметно помрачневшие всадники двинулись следом.

На востоке едва-едва начинали появляться лишь самые первые признаки рассвета, повсюду — в оврагах, ложбинах и распадках — еще лежала ночь. Невысокая стройная фигурка бесшумно пробиралась между деревьями, спускаясь к чуть журчащему ручью. У самой воды она остановилась, нагнулась над руслом, опустив в поток две узкие ладони. Ноги в мягких кожаных полусапожках бесшумно ступали по прелой хвое. Губы безостановочно, едва слышно произносили слова, слова складывались во фразы, и с каждой новой строфой мерно падающих двустийшии на дно глубокого, заросшего молодым лесом оврага словно вновь возвращалась Тьма. Очертания корней, стволов, сучьев дрожали и расплывались, будто подернувшись туманом; ручей журчал все глуше и глуше, точно погружаясь в сон; узкие ладони медленно двигались над глиняной чашей, полной до краев только что зачерпнутой воды.

Герои давнишних дней, сражавшиеся против ратей Молодых Богов в битве на Боргильдовом Поле, знали, как поступить, увидь они девушку в овраге; Маги острова Брандей оказали бы ей покровительство.

Человек в сером, со скрытым мягкой маской лицом, молча и неподвижно следил за происходящим. Его рука держала четырехлучевую стальную звездочку с острыми, как у меча, краями. Он не шептал заклятий, веря более своему оружию, чем Силам Дальним и Древним. Он не умел понять многого из того, что видел глазами, слышал ушами и постигал разумом, — и потому не боялся. Ему было интересно. Он медлил.

Вода в чаше подернулась ледком, раздалось змеиное шипение. Корни зашевелились, извиваясь, точно пытались вырваться прочь из земли; девушка мелкими-мелкими шажками двинулась вокруг сосуда. Руки раскинулись в стороны, слетела грубая, бесформенная шапка, рассыпались густые, коротко и неровно подрезанные темно-русые волосы. Каждое двустийше падало,

как удар молота. Лед начал багроветь, словно по нему потекла человеческая кровь.

Человеку в сером пришлось сжать волю в кулак, чтобы не поддаться внезапно нахлынувшему страху. Ему казалось, что в глаза попала вода: окружающее вдруг расплылось и стало нерезким. Все шло, как и описывал Настоятель. А он говорил, что ждать конца обряда нельзя ни в коем случае.

С коротким и резким выдохом-вскриком девушка ударила кулаком правой руки в чашу. Лед треснул, вверх взметнулись багровые брызги. Тонкое тело изогнулось дугой от боли, голова запрокинулась, казалось, она теперь ничего не видит и не слышит.

Воин в сером коротко взмахнул рукой — и смертельная звездочка полетела прямо в открывшееся белое горло.

Но еще быстрее оказались нежные узкие ладони; зачерпнув из чаши огненную влагу, они плеснули ее навстречу летящему убийственному оружию. Металл вспыхнул, точно тонкая бумага, мгновенно рассыпавшись незримым пеплом.

Раздался жуткий хохот. Никакой человек, даже самый грубый или злобный, не смог бы так рассмеяться. Воин в сером окаменел, даже не взявшись за эфес короткого кривого меча у пояса. Из чаши прынул поток жидкого пламени, тут же охвативший человека с головы до пят. Он упал безмолвно — и огонь, повинувшись властному жесту тонкой белой кисти, тотчас исчез, скрывшись обратно в чашу.

Смеявшаяся наклонилась над поверженным. Руки с неженской силой вертели тяжелое тело, однако на нем не нашлось ни знаков, ни гербов, ни амулетов. Кривой меч, окинув кратким взглядом, отбросили в сторону — ничем не примечательный клинок, людское изделие. Однако, после того как не ответивший ни на что труп швырнули в сердцах оземь, меч вновь подобрали. Едва касаясь стали, нежные пальцы легко пробежали по клинку раз, другой, третий... Дрогнули губы; повинувшись Словам Силы, в чаше вскипел и забурился жидкий огонь. Клинок погрузили в пламя, однако он не растаял и не расплавился, как любое иное человеческое оружие; его внезапно залила густая чернота — так на допросе молчит сильный духом, надменно отворачиваясь от палачей.

Но и этого оказалось достаточно. Глаза полыхнули несдерживаемой ненавистью; ногти впились в ладони. Теперь она знала. Голова вновь запрокинулась, на шее набухла синяя жила, из горла вырвался полный смертной угрозы вой — так волчица клянется отомстить за своих щенков. Движение

руки — и чаша затянулась плотной коркой, похожей на запекающуюся человеческую кровь. Сосуд с огнем скрылся в заплечном мешке, и кусты с легким шорохом сомкнулись за ушедшей. Ночная Всадница взяла след. Он приведет прямо к оплоту врагов ее госпожи и наставницы.

Фроди и Гудмунд горячили коней, спеша на северо-восток, где за невысокой цепью старых, полустертых водой и ветром гор лежали области Рёдульсфёлля, цветущего сада Ялини, Властительницы Зеленого Мира. Когда-то унылая и бесплодная земля превратилась в символ могущества Богини, покрывшись за десятилетия ее упорного труда прекрасными, невиданными, растущими только здесь деревьями, кустами и травами. Обо всем этом и о борьбе Ялини с упрямыми карликами, твердолобо и угрюмо отстаивавшими свое право жить на исконно принадлежащих им землях по законам и обычаям предков, подробно рассказано в «Оживлении Рёдульсфёлля».

За много миль до границы заповедных краев воины уже видели заткавшие все небо облака дыма. Низкие, подпитываемые тысячами и тысячами поднимающихся ввысь серо-черных столбов, облака эти нависали недоброй завесой, стремящейся навсегда скрыть солнце от мира. Ветер рвал в клочья их края, однако снизу подпирала новые клубы, и бреши тотчас заполнялись. Фроди и Гудмунд переглянулись и пришпорили лошадей.

Им оставалось миновать последнюю лесистую долину — ворота в Рёдульсфёлл, и они решили не останавливаться на ночлег. В этих диких краях, среди редких людских поселений, бродили существа древние, могучие и недолюбливавшие пришлых, а потому рисковать не стоило. В случае чего — днем добрые кони вынесут.

Дорога делала крутой поворот. Всадники послали лошадей по ее внешнему краю, чтобы невзначай не столкнуться с кем не надо нос к носу. Миновали ольшаник — и глазам их открылась странная компания, усевшаяся прямо на поваленное поперек дороги дерево.

Болтая ногами, обутыми в сапоги красной кожи, оживленно переговаривались между собой пятеро низеньких древесных гномов; на коленях у каждого лежал лук. Что-то бормоча себе под нос и вращая круглыми желтыми, как у совы, глазами, мохнатой грудой возвышался болотный тролль; устало уронив на колени длинные натруженные руки с плоскими мозолистыми ладонями, молча сидел кобольд; и у самого края замер, напряженный и прямой, эльф в дивных лазоревых доспехах, державший наперевес

узкий и длинный клинок, играющий всеми цветами радуги. За его спиной виднелся альв¹; его одежду покрывали десятки, даже сотни искусно нашитых стальных оперенных игл, рядом лежал заряженный одной из них самострел.

С подобным обществом еще ни разу не сталкивался ни один из воинов тана Хагена; должно было случиться нечто невероятное, чтобы все эти существа собрались вместе. Фроди и Гудмунд натянули поводья.

— Позвольте пройти нам, почтенные! — произнес Фроди на принятом в общении между людьми и нелюдьми языке, смешанном из словечек самых разных рас. Разумеется, он не питал никакого почтения к болотному кровопийце-троллю, да и к шкодливым древесным гномам тоже, не в пример их дальним горным сородичам, великим искусникам и мастерам.

— Вам туда прохода нету, — проворчал в ответ кобольд. — Свара там идет нешуточная. Магию в дело пустили. Мы тут для того и сидим — путников оберегать.

Ясно, что главенствовал здесь не кобольд; и Фроди, спешившись, с поклоном обратился к эльфу. Разумеется, он не знал и не мог знать тайных эльфийских наречий, да и самого Перворожденного видел лишь третий раз в жизни — они крайне редко появлялись в людских областях, а где жили сами — то знало лишь малое число Мудрых.

— Мы явились сюда не праздно, — говорил Фроди. — Нам нужно отыскать Хранителей Покрывала Ялини. (Вся компания встрепенулась и тотчас настоорожилась.) У нас важные вести для них. Разрешите же нам проехать!

Эльф поднял большие, затуманенные тяжелой думой глаза. Коротко взглянул на воина — как ножом пронзил — и снова отвел взгляд.

— Ты служишь тану Хагену, — не то спросил, не то оповестил остальных своих спутников эльф. — Хорошо... можете продолжать путь. Но в Рёдульсфёлле война... рассчитывайте только на себя.

¹ Альвов и эльфов часто считали одним и тем же народом. Глубокое заблуждение! Альвы — творение рук великих эльфийских искусников прошлого; они изначально созданы благими и добрыми; однако затем многие из них стали тяготиться зависимостью от Родивших, как они именовали своих создателей; часть их покинула эльфийские области и стала жить среди людей, никогда, правда, не смешиваясь с ними. Освободившиеся альвы создали собственное царство Альвланд, занялись разными видами магии, опробовав ее на своих соседях. Таких альвов люди действительно недолюбливают, случается, дело доходит и до стычек.

Он вдруг замолк на середине фразы: в лесу заволокло взволновались сороки, а спустя секунду из кустов упругим комком выкатился еще один гном.

— Идет! Идет! Идет! Прямо сюда! Идет! — завизжал он, едва переводя дыхание.

— Думаю, вам лучше сейчас же уехать. — Глаза эльфа холодно блеснули. Его разношерстный отряд уже успел рассыпаться и затаиться. Альв — судя по всему, из Преданных — медлил, держа наготове самострел и ожидающе смотря на эльфа.

— Если вы в опасности, долг наш — сражаться рядом с вами, — твердо ответил Гудмунд, обнажая меч.

— Глупец! — потеряв терпение, возвысил голос эльф. — Мы караулим вставшую на след Ночную Всадницу! Вы здесь — помеха, а не помощь! Уходите, и да хранит вас Ямерт!

Мелодичному, исполненному могучей силы голосу, повелительному взгляду синих, как море, глаз невозможно было не повиноваться. Что-то магическое содержали в себе слова Перворожденного; Фроди покорно кивнул и повел коня в обход поваленной лесины, хотя в жизни своей он не склонялся ни перед кем, кроме тана Хагена, которого сам добровольно признал сильнейшим.

Однако уехать они не успели. Словно соткавшись из воздушных слоев, на дороге беззвучно возникла окутанная зеленым плащом стройная фигурка; капюшон был откинут, и воины Хагена окаменели: какая же это Ночная Всадница — милая, кроткого вида, раздурманенная девушка, совсем молоденькая, с короткими темно-русскими прядями. Только вот откуда этот странный кривой меч у пояса?

Сверху бесшумно упала плотная сеть двойной вязки, однако, прежде чем она накрыла ту, кого эльф назвал Ночной Всадницей или, попросту говоря, ведьмой, та успела поднять над головой Чашу, тотчас исторгшую из себя поток огня. Ветки вспыхнули, в один миг обратясь в пепел.

И тут же чистый и мощный голос эльфа произнес заклинание. Фроди услышал в нем гул сокрушающих преграды горных потоков, рокот катящихся вниз лавин, рев беснующихся штормовых валов; заклинание рухнуло на Ночную Всадницу, как при землетрясении падает крыша дома на ничего не подозревающих обитателей.

Ни Фроди, ни Гудмунд не знали, почему Ночная Всадница так легко приняла этот неравный бой — ведь теперь, после Окружающего Заклятья, она уже не могла из него выйти, — вместо того чтобы спокойно

обойти преграду лесом и продолжить путь, как поступили бы они, бывалые воины.

Капли жидкого огня, бестрепетно зачерпнутого узкой ладонью, полетели во все стороны, и там, где они падали, тотчас же взвивались рыжие языки пламени. Только теперь Фроди сообразил, что сейчас они видят нечто совершенно немыслимое — все Ночные Всадницы боялись Жгущего, изначально чистого божественного начала, а эта... Как, во имя милосердного Ямбрена, она овладела Огнем?

Гудмунду показалось, что те мгновения он думал именно так; на самом же деле изумление пришло много позже. Они с Фроди едва успели броситься ничком на землю, как вокруг них все запыхало — счастье еще, что капли струящегося пламени не попали на одежду или доспехи.

Из-за дыма воины Хагена не увидели, что произошло дальше. Слышался многоголосый рев, вой и визг, хлопали тетивы; затем все неожиданно стихло.

Ошарашенный Фроди поднял голову. Как под сильным ливнем, огонь быстро угасал, словно повинуюсь беззвучной команде; синеющие уголья злобно шипели. Весь отряд охотников тоже оказался здесь. Обугленной грудой лежал мертвый тролль — морда вниз, лапы раскинуты: подле него — гномы, обгоревшие, похожие на уродливые головешки. Кобольд сполз в канаву, словно прячась, и там испустил дух. А прямо перед еще дымящимся стволом дерева, которое перегораживало дорогу, лежали рядом эльф и альв — на вид целые и невредимые, словно спящие; однако и они были мертвы — или умирали; рука альва еще сжимала разряженный самострел.

Фроди склонился над эльфом. На теле Перворожденного он не увидел ни единой раны — и все же тот погибал. В растерянности, не зная, чем и как помочь, люди застыли над ним.

Эльф медленно поднял веки. Глаза по-прежнему смотрели пронзительно и строго, но с каждым мигмом жизнь уходила из них; неосознанно Гудмунд приблизил ухо к едва заметно шевелившимся губам.

— Кто-нибудь... доберитесь до долины Бруневагар. Там — собрание. Предупредите... настоятеля...

Эльф едва слышно вздохнул и отошел.

Ночная Всадница исчезла.

Смертный грех для истинного воина оставить без погребения тело храбро сражавшегося — Фроди и Гудмунд задержались. Неузнаваемые, дочерна обгоревшие тела гномов забрала их плачущая родня — несколько десятков лесных обитателей; они же помогли дотащить тролля к его

упокою — глубокой болотной яме среди гиблой трясины, где он обитал; кобольда приняли в себя скалы — крошечная пещерка, наглухо замурованная после этого. Эльфа же и альва воины Хагена положили на поспешно сколоченный плот и пустили его по тихой лесной речке. Таков был закон: где бы ни настигла Перворожденного гибель — упокой его в ладье или просто на плоту и доверь этот скорбный груз даже самому крошечному ручью — вода пронесет эту ношу через все извивы и коряги, доставит к морским побережьям, откуда, говорят, эльфы уходят невидимками на Закат, вслед за своими телами, чтобы там, в дивных неизвестных землях, родиться вновь.

— Где это — Бруневагар? — мрачно спросил у спутника Фроди.

— Семь или восемь дней пути отсюда на восток, — откликнулся Гудмунд. — Я слышал о тех местах. «Собрание» — это, скорее всего, монастырь, который там стоит еще со времен Второго Вторжения Ракота.

— А, вспомнил! — хлопнул себя по лбу Фроди. — Но это... странный край.

— Странный, и чужаков там не любят; и все же их надо предупредить. Не люблю я этих Всадниц, что бы тан ни говорил.

— Да, он не велит их убивать — только защищаться, — кивнул Фроди. — Но у нас приказ. Забыл про Хранителей?

— Не забыл! Но сдается мне — эта пламенная чаша еще натворит бед... Вот что, друг, — разделимся! Я еду в монастырь. Не возражай! Перед таном я отвечу сам.

Фроди только крикнул: он знал, что отговаривать своего спутника бесполезно. Гудмунд повернул коня к Восходу.

ГЛАВА II. ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Я стоял, опершись на узорные серебряные перила, и молча смотрел вниз, где виднелись смутные очертания Мира, подернутые облачной дымкой. В этот миг там, подо мной, в пределах Смертных земель, вдали от ажурных парапетов Замка Всех Древних, что на самой вершине Столпа Титанов, в жалкой лачуге нищего родился мой Ученик.

За спиной чуть слышно даже для моего уха перезванивались тонкие хрустальные колокольчики — Жребий брошен, человеческая судьба выпала из предначертанного прочим Смертным круга. Мой Ученик! Я ждал

долгие десять веков — пока остальные делили власть. Но Закон Жребия неумолим — Маг не может не иметь Учеников, орудий для познания им Мира и для своего влияния на Мир. Совет Поколения может лишь отлучить его — на время. Я получил наивысший срок. Думаю, Макран и Эстери охотно покончили бы со мной — не будь убийство Мага Магом невозможным по Заветам Древних, обходить которые пока не научился ни один из волшебников моего Поколения... Все, что смогли сделать эти двое, — побудить Совет осудить и отлучить меня. Однако срок изгнания истек, и я вернулся, став куда сильнее, чем они ожидали. Пройдя змеиными тропами и мышиными норами, воздушными путями стрекоз и незримыми трактами духов, побывав на Восходе и на Закате, говоря с альвами и карликами, гномами и эльфами, людьми и гоблинами, троллями и гарридами, хедами и кобольдами, вступив даже в запретные области Призраков, я вернулся обратно — со Знаниями. В источающих смертельную заразу болотах Юга бескостные серые существа открывали мне тайны своего происхождения; дальние потомки Лунного Зверя, лунные волки, долгими ночами в усеянных костями ущельях Бьёрсвердена выдавали мне секреты своих преобразований; черные, схожие с исполинскими червями создания в бездонных провалах Морайи, шипя, повествовали о путях в Хель, о Законах Черного Тракта. Я беседовал с мертвецами, лишенными покоя, с колдунами и шаманами Смертных, которым немало открыли в своих откровениях Древние. Мои собственные сородичи закрыли мне пути к Тайному — я поневоле отыскивал иные дороги. Я узнал многое. Я стал иным. Поняли ли это остальные?

В извивах неба родился ветер, пронесся над башнями Замка, играя прихотливыми флюгерами. Затихая, все еще переговаривались колокольцы. Плыли внизу облака...

Кто-то бесшумно появился у меня за спиной, и я тотчас напрягся, не торопясь оборачиваться. Проклятье, она, опять она! Что ей нужно на этот раз? Новая игра?..

— Поздравляю, Хедин, — услышал я ее голос, мягкий, обволакивающий и в то же время настолько открытый, что, казалось, им невозможно было лгать. Она радовалась за меня? Приложив столько усилий к тому, чтобы похоронить без остатка все мои прежние начинания?

— Если бы это сделал кто-то иной, не я, ты забыл бы обо всем в жажде отомстить, — негромко заметила она, не скрывая, что прочла мои мысли — забывшись, я думал не таясь, как человек. — Я надеялась, что *мне* ты мстить не станешь... или, по крайней мере, начнешь не сразу, а, остыв, поймешь,

что никому из Совета — и мне в том числе — твое безрассудство не оставило иного выхода.

— Сигрлинн! — Признаюсь, я с трудом выговорил ее имя. Однако теперь она уже ничего не могла прочесть у меня в сознании. — Давай не будем о прошлом. Что сделано, то сделано, и никто не сможет изменить минувшее. Я не раскаялся, не забывая.

— Неужто ты думаешь, что я стала бы говорить с тобой, отрекись ты от самого себя? Ты таков, какой есть.

Волшебница Сигрлинн. Одна из самых могущественных среди нашего Поколения. Глубоко проникшая в тайны Высшей Магии; одна из четырнадцати, что составляют Совет Поколения... и — в прошлом мой главный противник, которая повергла во прах твердыню моих Учеников, взорвала так долго создававшуюся мной Ночную Империю; а на руинах моего детища она воздвигла свое любимое Хранимое Королевство.

А когда-то, на самой заре нашего Поколения, Сигрлинн была моей возлюбленной.

— Так что же дальше? — не выдержал я. — О чем пойдет у нас речь? Вспомним, как возводили Голубой Город и не знали, что такое раздор? Или, быть может, побеседуем о чем-нибудь не столько отдаленном? У меня есть что порассказать! Например, как выжить среди вечных льдов Хверьелунда, волею справедливого Совета оставшись без власти над Огнем! Послушай — глядишь, пригодится...

Она остановила меня жестом, но не гневным, не презрительным, а показавшимся мне исполненным сожаления.

— Зачем ты говоришь так, Хедин? — Она укоризненно склонила набок голову. — Скажи лучше, что будет с этим твоим Учеником? Ты ведь наверняка измыслил для него нечто необычайное!

По Закону Древних ни один Маг не смеет вмешиваться в дела между другим Магом и его Учениками; даже Совет не имел на это права.

Я не мог понять, зачем ей нужен этот разговор.

— Не молчи, — вдруг попросила она. — Ты закрылся, я не знаю, о чем ты сейчас думаешь, но все твои ссылки на Кодекс Золотого Круга я могу привести и сама. Давай оставим все эти законы и уложения! Мне просто интересно; и ты ведь знаешь: я никогда не предавала тебя и не била в спину. Я послала тебе вызов по всем канонам Древних — за двадцать один день до войны. И до этого...

— До этого! Какое это теперь имеет значение! — Наверное, я не сдержал горечи и тотчас заметил в глазах Сигрлинн нечто вроде

удовлетворения. Похоже, она забавлялась отыскиванием прорех в броне моего спокойствия.

И тут мое терпение лопнуло. Я пошел вперед с открытым забралом, как в былые годы.

— У меня будет Ученик, — медленно сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Ученик, который оставит далеко позади всех прочих. Я дам ему то, чего не давал еще никому; он станет великим воином, знатоком боевых и магических искусств; я научу его чувствовать жажду познания и утолять ее; и он воздвигнет Царство, невиданное в истории Смертных!

Моя горячая тирада была прервана гримасой разочарования на лице Сигрлинн. Я осекся, как осекался и раньше, едва замечая малейшие признаки ее неудовольствия. Она покачала головой, отводя взгляд.

— И это все? — разочарованно протянула она. — Я не услышала ничего нового; я ждала большего, Хедин! Неужели у тебя в голове одна только война?

Я прекрасно знал, что Сигрлинн имеет в виду.

— А что еще, кроме войны, может служить достойным занятием мужчины? — поддразнил я ее, изо всех сил стараясь, чтобы каждое слово казалось прорвавшейся наконец на поверхность, давно вынашиваемой тайной мыслью. — Война есть вершина человеческого духа и судьбы! И я уж постараюсь, чтобы на сей раз ничто не помешало бы моему Ученику подняться к вершинам славы! А какая мне от этого будет польза — это, прости, пока секрет. Хоть ты и послала мне вызов, но, сама понимаешь...

— В чем твоя сила, — неожиданно спокойно произнесла она, — никогда не поймешь, говоришь ли ты серьезно или шутишь. Но неужели прошлое тебя ничему не научило? Ты создавал бойцов, могучих и сильных, они одерживали победы — но затем все кончалось ужасными разгромами и реками крови твоих последователей!

Здесь она ошиблась — взяла неверный тон. Я терпеть не могу слушать поучения.

— Предоставь решать это мне, — огрызнулся я. — Почему все женщины вообще — и волшебницы в частности — так любят совать свой нос в чужие дела? Я не я буду, если не подскажу моему Ученику держаться подальше от вашей сестры!

— Уж не потому ли ты собираешься сделать отданного тебе аскетом, что сам не больно-то снискал успеха у нашей, как ты выразился, сестры?

Удар ниже пояса.

— Я не вмешиваюсь в то, как и чему ты учишь своих воспитанников, — закипая, ответил я. На скулах против воли вспухли и затвердели желваки. — Так что и ты оставь меня в покое!

— Я-то оставляю, Хедин, — отчего-то грустно ответила она. — Другие вот не оставят...

— С другими я сам разберусь! — отрезал я.

— И уйдешь в изгнание, как в прошлый раз? Смотри, Мерлин может пойти и на большее...

...Разве когда-нибудь она допускала, чтобы последнее слово в споре оставалось не за ней?..

Сигрлинн исчезла — то ли растворилась в воздухе, как она любила делать, отправляясь на землю, то ли избрала иной, неведомый мне путь; я так и не понял, куда она делась, во всяком случае, на Совете ее уже не было.

Я постепенно успокаивался. Сигрлинн — кто она теперь? Бывший враг, который дает понять, что не против прекратить вражду? Старый друг, пытающийся не дать мне совершить роковую ошибку?.. Однако тут грянул Большой Замковый Колокол, и все посторонние мысли мигом вылетели у меня из головы.

Ожил колокол, отлитый в века столь давние, что даже Древним события тех времен казались одной лишь сказкой. Сколько же лет я не слышал этих гордых и властных созвучий, плывущих в беспредельности Срединного Неба! Я совсем забыл об их действии на таких, как я: голову сжали тиски тупой, давящей боли — Совет еще не до конца снял с меня вердикт виновности. Если бы я приблизился к Замку в дни изгнания, до истечения его срока, звуки Колокола просто свели бы меня с ума.

Кровавая муть, заставшая мне глаза, отступала медленно, точно нехотя. Меня согнуло в три погибели, лицо заливал пот. Без телесной оболочки Магу не обойтись: но, Великий Дух, сколько же от нее порой неудобств!.. Впрочем, равно как и удовольствий.

— Хедин, Познавший Тьму! — раздался идущий отовсюду и ниоткуда холодный голос, впервые за тысячу лет поименовавший меня вместе с титулом. Великий Мерлин, Глава Совета Поколения. Точно так же, без всякого чувства, он произносил слова приговора в злые дни моего разгрома. С силой Мерлина я при всем желании не мог здесь бороться. Пока не мог.

Каменные плиты разошлись. Я увидел знакомый до мелочей, ни в чем не изменившийся Зал Совета: огромный стол черного дерева в середине; тканые золотом и серебром гобелены с гербами членов Совета на стенах; хрустальный Шар Жребия на мраморном постаменте в глубине; и тринадцать пар глаз, в упор смотревших на меня. Лишь тринадцать, потому что четырнадцатой, Сигрлинн, не было на Совете.

Я сжал зубы. Противостояние началось — а ведь я еще не перешагнул порога.

Ни один из них не верил мне. Они не могли изменить скрепленного Печатью Вечности решения — только поэтому я стоял здесь, а не висел, прикованный, в одной из Нижних Земель... Второй раз они не остановятся и перед этим, понял я. Пошлют Астрального Вестника к самому чертогу Предвечных Владык за разрешением — так они уже расправились с Ракотом.

Но пусть не я первым нарушу этот мир, хотя бы и худой! Повинуясь строгому этикету, я поклонился, коснувшись правой рукой сердца. Под ногами вспыхнула серебристая дорожка — от порога к самому Шару Жребия.

Я сделал несколько первых шагов. Отчего-то они оказались очень трудны, голова кружилась, в виски толчками билась кровь. Я всеми силами заставлял себя держаться прямо, и уже где-то глубоко внутри начинала закипать шала, неистовая радость, постепенно пробиваясь в верхние слои сознания, — я словно выходил из затхлого болота миражей на твердые камни реального мира. Ученик! Для меня это слово гудело мириадами органических труб, полыхало всеми пламенами Вселенной и Светом Обетованного. Я вновь вернулся к жизни, я жил!

Тринадцать пар очень спокойных, бесстрастных глаз ловили каждое мое движение; я ощущал сильное давление чужих мысленных взглядов. Пришлось закрыться — хоть я и знал, что это лишь усилит подозрения. Вдобавок если за дело возьмется сам Мерлин... Конечно, я мог здесь оборониться и от него, но в этом случае секрет моей новой защиты стал бы известен и ему; нельзя недооценивать силы Великого Мага. И хотя я чувствовал его внимание, чувствовал его острый, проникавший все глубже и глубже в меня взор, я ограничился обычной нашей магической обороной, что против Мерлина — как замок на двери давно заброшенного дома от настоящих воров.

— Познавший Тьму, срок определенного тебе наказания истек, — не вставая, говорил Мерлин, глядя мне прямо в глаза, так что едва хватало

сил не отводить взгляда. — Более лишать тебя права учить мы не можем. Я не слишком надеюсь на твое исправление и говорю об этом открыто, во всеуслышание. Должен предупредить тебя: если ты вновь вернешься к старому, то против тебя выступит уже не только одна Сигрлинн. Я пойду сам и не пожалею сил для посылки Астрального Вестника за разрешением на должную кару — если ты вновь взбунтуешься. Не советовал бы тебе следовать путем Ракота. А сейчас, — даже теперь Мерлин, в нарушение всех обычаев и традиций, не поднялся, чтобы вместе со мной достать Зерно Судьбы из Шара Жребия, а, напротив, демонстративно поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, — иди и возьми принадлежащее тебе по Закону Древних! Клянусь Лунным Зверем, если бы не этот Закон — ты не стоял бы здесь.

Мерлин никогда не унижался до обманов, засад и внезапных нападений из-за угла. Я не удивлялся его злым словам, хотя они тоже звучали сейчас дико: наказания, и достаточно суровые, бывали у нас и раньше; но по истечении их срока все — и Мерлин в числе первых — старались обращаться с оступившимся как можно сердечнее и теплее, ни словом, ни взглядом не напоминая о прошлом. Мне, как я уже сказал, дивиться не приходилось. Мерлин не зря носил титул Великого. Он знал то, до чего еще долго не сможет додуматься ни один из сидящих сейчас за Столом Совета, — что я не успокоюсь, пока не займу — как самое меньшее — его собственное место или пока не окажусь извергнут из пределов этого Мира.

Мне нужно осуществить слишком многое; задумано небывалое, и для этого мне — как первая ступенька — нелишне было бы место Главы Совета. И если бы Мерлин не произнес только что прозвучавших слов — мне было бы нелегко поднять на него оружие. Теперь наоборот. Война объявлена. Тринадцать, составляющих Совет, оповестили меня, что не допустят ни одного моего шага в сторону от общепринятого для Мага. Ну и отлично! Попробуйте остановить меня на сей раз!

Я храбрился, зная сам, что до поры до времени на все мои начинания хватит двух-трех членов Совета, правда, им придется изрядно повозиться; но если Мерлин сам покинет свой Авалон, мне несдобровать. Странное дело — все эти мысли вспыхнули в сознании тотчас, как будто я долго и упорно размышлял об этом, а ведь, ступив на плиты Воздушной Пристанни Замка Всех Древних, я был убежден, что с Советом враждовать не придется, разве что с Макраном и Эстери. Но лгать себе — последнее дело, и тогда я подумал так:

«Ты всегда понимал, что, несмотря на возвращение из изгнания, тебя уже никогда не простят. Понимал, но не признавался себе в этом. Что ж, лучше поздно, чем никогда».

И тотчас же мне пришлось погасить все мысли об этом — потому что бесцеремонно пробирающийся к моему сознанию Мерлин уже почти одолел последние барьеры моей защиты. Но я не даром так долго странствовал среди Смертных. Люди, словно в возмещение за краткость их земного пути, порой наделяются странными талантами, один из них — искусство внутреннего молчания и молниеносной смены мыслей. Я прибег к нему, сохраняя свой заветный секрет новой защиты на черный день, и Великий Мерлин если что и прочитал в моем сознании — так лишь досаду на чересчур назойливое внимание.

Я остановился перед Шаром Жребия. Зерно Судьбы Ученика, назначенного мне Предвечными, багрово светилось. Оно уютно лежало в своем хрустальном гнезде, пульсируя в такт сердцу нерожденного, еще не вышедшего из материнской утробы. Я вгляделся в Зерно: никогда еще его цвет не был так схож с цветом крови. Это будет воин, великий воин, понял я. Хозяйева Судьбы ничего не скрывали. Но, Всемогущие Древние, сколько же в нем от рождения жестокости! Это хорошо. Это значит, что он сразу воспримет мои уроки — поскольку они ответят его внутренней потребности. Трудно пожелать себе лучшего Ученика для задуманного мной Дела.

Колокольчики умолкли окончательно. Выбор сделан, осталось взять Зерно. Я медленно протянул к нему руку, сосредоточенно вспоминая, как все это происходило в последний раз. Но тогда мне помогал Мерлин, как и положено, а сейчас Глава Совета лишь холодно и отстраненно наблюдал.

И тут меня осенило. Я понял: они хотят, чтобы я погубил своего Ученика прямо при его рождении! И все пойдет по Закону — Маг, не сумевший взять Зерно, на достаточно долгий срок лишался права взять следующее. Конечно, это время показалось бы весьма незначительным по сравнению с моим изгнанием — что такое сто лет рядом с тысячью?

Что ж, я принял вызов. Ничего иного мне не оставалось. Медленно, очень медленно я коснулся Зерна — и у женщины-нищенки в полуразвалившейся хижине начались родовые схватки.

Всеми силами сознания я потянулся туда — и тотчас увидел жалкий, сколоченный из обрезков горбыля колченогий стол и выщербленную, потрепанную утварь, постель — груды невообразимо грязного тряпья — и женщину, стонущую на этом тряпье. Рядом с ней никого не было.

Я не имел времени досадовать на Жребий или проклинать Мерлина; когда рождаются Ученики Магов, людские роды неизменно тяжелы и многократно опаснее обычных, зачастую матери погибают — а вместе с ними нередко и дети.

Всеми своими силами я постарался пригасить зловещее сверкание Зерна, разгоравшегося внутренним огнем, и мне это удалось, хотя чувство было такое, словно я голыми руками хватался за докрасна накаленный металл. Женщине на время полегчало.

Но этим я выиграл только несколько минут; задача по-прежнему оставалась нерешенной, и никаких путей к ее решению я тоже не видел. Оставалось только одно, запретное средство — запретное не только для меня, но и вообще для всех нас, даже для Мерлина. Оно пускалось в ход считанные разы, и обязательно нужна была помощь всего Совета, собравшегося в Замке Древних, чтобы от применения этого средства не встал бы на дыбы весь Мир.

Несмотря на все свои силы и знания, Маг не может прямо, непосредственно защитить кого-то от физической гибели отсюда, из Замка Древних; приходится прибегать к посредникам, появляющимся в нужном месте и в нужное время.

Я зажмурился. Очень четко, как с высоты птичьего полета, я видел хижину, окружающие ее поля, покосы и огороды, заборы, сараи, другие дома, дороги — и, собирая в кулак всю волю, прожигая ее в холодном огне Замкового Очага, я, подобно пылающему небесному болиду, низринул на Мир, огнистым клинком испарывая слои Реальности, заставляя бурлить и клокотать Реку Времени; и я властно сдвинул Пласты Бытия друг относительно друга, щедро черпая силы в запасенном Всеми Древними арсенале. Вокруг Замка забушевал огненный смерч, тугая волна ударила в кажущиеся несокрушимыми контрфорсы; я ежесекундно впитывал в себя новые и новые потоки небывалых видений, в поисках того, кто мог бы спасти моего Ученика.

И прежде чем выпущенные мной на волю призрачные Драконы Времени, живущие в его бескрайних волнах, впились в Мировую Твердь, я нашел наконец того, кого искал. И, рассекая и разрубая мешающее, я устремился прямо к нему...

У купца слегка закружилась голова, а когда спустя миг все прошло, мнительный торговец все же решил опасаться ради передохнуть. Караван свернул с тракта; почти тотчас и приказчики, и сам купец увидели бедную поко-

сившуюся избушку, откуда доносились чьи-то тяжкие стоны; стонала явно женщина.

— Посмотрел бы, что там, — велел купец подручному. Тот не без брезгливости просунул голову в дверную щель.

— Баба рожает, ваше степенство, — крикнул он, оборачиваясь. — Мучается, видать!..

— Ансельм, помогите ей, — распорядился негоциант, в сущности, вовсе не злой и не черствый человек. Один из его спутников, в плаще и шапочке врача, поспешно поклонился и скрылся в хижине.

Стены Замка сотрясал невиданный шторм. Незримые валы сошедших с ума Сил перекатывались через него, грозя вот-вот слизнуть совсем, выдернуть гвоздь, крепящий всю совокупность наших пластов Реальности. Весь Совет во главе с Мерлином вскочил на ноги, образовав широкое кольцо. Если они сейчас не утихомирят вызванное мной миротрясение, Замок Всех Древних распадется в пыль. Предотвратить это трудно, но не невозможно.

А я, не давая себе и мига передышки, осторожно тянул Зерно Судьбы вверх из его нежного хрустального вместилища. Бушующая в Реальности и Межреальности буря сейчас мало занимала меня. Огонек Зерна пульсировал между моими ладонями; осторожно, стараясь не качнуть и не дернуть, затаив дыхание, я тянул Зерно к себе. Мерлин что-то громко выкрикнул, стоя над пылающим Замковым Очагом; и даже будучи всецело поглощен добыванием Зерна, я не мог не поразиться той исполинской мощи, которую он вложил в это заклинание. Приведенные им в действие силы способны были справиться со средних размеров Темной Армией.

И одновременно со словами Мерлинова могущественного заклятья я наконец достал свою бесценную добычу. Зерно Судьбы лежало у меня на ладони.

А доктор Ансельм держал на руках сморщенный красный комок, тотчас же разразившийся злым криком.

После заклятья Мерлина буря стала утихать, дрожь пола и стен мало-помалу ослабла. Я ощутил согласованные, мощные удары соединенных сил Магов Совета; сдвинутые, перемешанные мной Пласты Мироздания постепенно возвращались на прежние места. Зерно Судьбы я спрятал в ладанку на груди и тотчас ощутил идущее от нее тепло. Больше дел в Замке у меня не оставалось, как я думал тогда сторяча; я даже не зашел в свои здешние покои, раскланиваться с кем-либо также не имело смысла. Ни на

кого не глядя, я пошел прочь. И до самого парапета я чувствовал спиной холодный взгляд Великого Мерлина.

Оставив немного денег и еды пришедшей в себя после тяжелых родов женщине, добросердечный купец дал команду двигаться дальше. Доктор Ансельм, оседлав свою смирную лошадку, казался чем-то чрезвычайно взволнованным, едва ли не испуганным.

— Вы как будто не в себе, добрый мой Ансельм, — заметил купец, внезапно позабывший о своем желании где-либо передохнуть. — Что вас так удивило?

— Удивило, патрон? — оглянувшись и нагибаясь к уху купца, горячо зашептал доктор. — Скажите лучше — ужаснуло! Я принял немало родов — но я никогда не видел младенцев с глазами проживших долгую жизнь старцев!

— Ну уж прямо? — усомнился купец, отличавшийся большим здравомыслием.

— Я совершенно уверен, патрон, — закивал головой Ансельм. — Это были глаза недоброго старика, долго живущего и много повидавшего. А потом — мне показалось, что я схожу с ума, — эти жуткие глаза внезапно уменьшились, изменились, обесмыслились, став как у обычного новорожденного. Бр-р! Светлый Ямерт, убереги нас от лживых видений Мрака! — Ансельм сделал оберегающий жест. Купец повторил его, но без особой набожности. Заметно было, что рассказ молодого доктора не произвел на него особо сильного впечатления. Караван постепенно скрылся за поворотом.

Я проводил их взглядом, плотнее завертываясь в серый нищенский плащ. Что ж... место неплохое, чистое, рядом источник. Селение в полумиле, неподалеку лес, река. Теперь посмотрим, где можно будет устроиться. Пожалуй, вот здесь, за пригорком, чтобы не так тянуло от воды... Я развязал котомку и достал остро отточенный плотницкий топор. Через час у меня получился вполне сносный шатер-балаган, на первое время, пока не обзаведусь жилищем попристойнее. И вообще, с мыслью о дворцах, перинах и подушках придется на время расстаться. Я кое-как разложил свои нехитрые пожитки и отправился в хижину через дорожку.

— Можно войти? — Я осторожно постучал посохом о косяк. Вопрос мой задавался исключительно из вежливости: рассохшаяся и потрескавшаяся дверь все равно стояла приоткрытой.